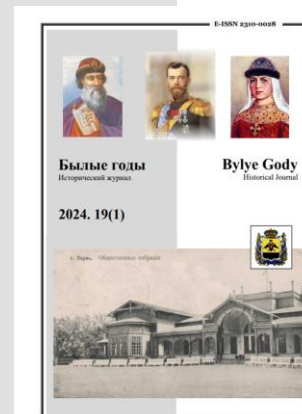

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 137-147
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.137

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Penal Policy of the Russian Empire in the Literary and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Egor A. Kulikov ^a, Irina A. Anisimova ^a

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

This work is aimed at studying the problems of the criminal-executive (penitentiary) policy of tsarism in the assessments of pre-revolutionary writers – the Siberian regionalist N.M. Yadrintsev and the great Russian novelist F.M. Dostoevsky. Thus, the purpose of the article is to explicate narratives about the essence, content and problems of implementing the penal policy of the Russian Empire in the literary and journalistic heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky. The research is carried out on the basis of an interdisciplinary methodology that organically combines the tools of the “new intellectual history”, hermeneutic content analysis and the paradigm of the “new social history”.

This research approach is aimed at explicating a system of views and concepts on a specific social problem, taking into account the context of the era. The source base for the work was published sources: the corpus of artistic, literary and journalistic texts by N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky, dedicated to the problems of prison and hard labor in the history of the Russian Empire.

The authors show that the journalism of the classics of regional thought includes a large component in the field of exile as a form and type of punishment, the fate of exiled settlers, their colonization significance, and extensive problems in the field of prison studies. It is also noted that F.M. Dostoevsky formulated an important idea for penitentiary studies: for work in prison to have the character of not only punishment, but also to have a corrective effect, it must be meaningful and useful.

In general, the authors found that as a means of correction F.M. Dostoevsky understood labor, collective interaction and collective organization, taking into account the rules of community life inherent in this organization, as well as reading, education and training. Level of reflection N.M. Yadrintsev about the state and prospects of imperial penal policy was of a practice-oriented nature.

Keywords: N.M. Yadrintsev, F.M. Dostoevsky, penitentiary studies, penal policy, Russian Empire, convicts, re-education of a criminal, history of prison, exile, hard labor.

1. Введение

Каторжная, ссылка и тюремная тема актуальна во все времена. История государства и права, социальная и политическая история отчетливо показывает нам печальные страницы бытия тюремных застенков. Учреждения исполнения наказания существовали с глубокой древности. Так было и, вероятно, так будет, что человеческое общество не сможет полностью избавиться от девиаций. Изоляция от общества в виде лишения свободы – древний и универсальный институт. Нацеленная на перевоспитание и исправление преступника тюремная система часто слабо достигает таких духовных и нравственных замыслов. Напротив, мир тюремного барака зачастую из-за жутких условий содержания осужденных ресоциализирует преступника, подталкивая его рецидиву. Государственная власть, прежде всего в лице уполномоченного законодателя, принимая некоторые

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov), kulikoveg@yandex.ru (E.A. Kulikov), anisimovaia@bk.ru (I.A. Anisimova)

узаконения в этой сфере, всегда старается достичь положительного эффекта. Но иногда случается так, что до государственного органа еще надо достучаться, обратив его внимание на конкретную проблему. В этом смысле отечественные писатели и публицисты эпохи «эмансипации» первыми обращали внимание на проблемы содержания осужденных и обличали изъяны уголовно-исполнительной системы Российской империи. Кто-то из них сам познал тяготы тюремного заключения, кто-то в силу гуманистического мировоззрения и благих намерений проникся этой деликатной темой. Пионерами и передовиками этого непростого дела по праву можно считать Ф.М. Достоевского и Н.М. Ядринцева. Потому обращение к наследию русских публицистов и литераторов видится научно значимым. До сих пор преимущественно исследователи были заняты изучением воззрений выдающихся представителей русской литературной школы, несколько принося роль и значение сибирских писателей в каторжной прозе.

В связи с этим считаем важным выявить и показать восприятие тюремного вопроса писателем Ф.М. Достоевским и отцом сибирской журналистики Н.М. Ядринцевым.

2. Материалы и методы

Эмпирической основой работы выступают опубликованные источники. Прежде всего, это корпус художественных, литературных и публицистических текстов Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, посвященных проблематике тюрьмы и каторги. Объектом анализа выступили такие произведения, как монография Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», изданная в 1872 г., повесть Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома», впервые увидевшая свет в 1862 г., и др.

В качестве дополнительного исторического источника использовались тексты публицистических статей Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, размещенные на страницах дореволюционной периодики.

Для работы с таким разнообразным и неоднородным материалом, содержащим в себе идеалы и представления отечественных писателей, наиболее востребованной оказалась методология «новой интеллектуальной истории». Данный исследовательский инструментарий направлен на экспликацию системы взглядов и концептов по определенной общественной проблеме с учетом контекста эпохи. Так как настоящая работа предполагает исследование содержания письменных и художественных выражений мыслей дореволюционных авторов, то именно обозначенная методология максимально полно позволяет познать историю формирования, бытования и даже пропаганды определенных идей.

Обращение к имманентному смыслу и содержанию текстовых источников также обязывает применить герменевтический контент-анализ статей и книг Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского.

В качестве вспомогательного исследовательского приема были использованы подходы «новой социальной истории». Такой инструментарий нацеливает исследователя на гуманистические принципы, рассматривая общественные явления в формате приоритета личности, а не государства. Данный мировоззренческий архетип был свойственен исследуемым персоналиям дореволюционной России. Потому обозначенная методология удачно походит для настоящего исследования идей и оценок уголовно-исполнительной политики Российской Империи по литературно-публицистическому наследию Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского.

3. Обсуждение

Современная отечественная историография изобилует различными подходами, оригинальными трактовками и убедительными выводами в области истории общественной мысли эпохи «великих реформ». Так, интеллектуальная галерея и идейное наследие известного писателя-сибиряка Н.М. Ядринцева и классика мировой литературы Ф.М. Достоевского вызывает стабильно высокий интерес в гуманитаристике.

Идейный мир лидеров движения сибирских областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина выступает предметом исследования таких авторитетных ученых, как В.А. Должиков ([Должиков, 2023](#)), В.П. Зиновьев ([Зиновьев, 2022](#)), М.В. Шиловский ([Шиловский, 2021](#)), И.Л. Дамешек ([Дамешек, 2019](#)), А.А. Иванов ([Иванов, 2009](#)) и др. Группа современных исследователей раскрывает различные грани идеалов классиков областничества.

Воззрения Н.М. Ядринцева на процесс необходимой гуманизации тюремного вопроса рассматривает барнаульский историк В.А. Должиков. Общий контекст развития областнической мысли изучает томский профессор В.П. Зиновьев, акцентируя роль и влияние движения областников на общественность и периодическую печать. В своих многолетних трудах новосибирский ученый М.В. Шиловский продолжает познавать всю историю областнического движения с момента своего зарождения до упадка. В контексте выстраивания маркеров и паттернов сибирского особого самосознания рассматривает областничество иркутская исследовательница И.Л. Дамешек.

Особую ценность для нашей работы представляют публикации профессора из восточной Сибири А.А. Иванова, который рассмотрел представления идеологов сибирского областничества на воздействие уголовной ссыльной системы на процесс колонизации и освоения сибирского региона.

Таким образом, данная часть историографического обзора свидетельствует о том, что несмотря на разработанность темы истории областнического движения, конкретные взгляды Н.М. Ядринцева на уголовно-исполнительную систему современной ему России рассматривались только избирательно и фрагментарно.

В настоящей работе с учетом историографических успехов как раз и предпринимается попытка исследовать данный пласт идейного мира известного сибиряка.

Отечественные гуманитарии откровенно балуют своим вниманием идейное наследие выдающегося русского литератора Ф.М. Достоевского. Так как в нашей работе предполагается исследовать представления гения русской словесности о тюрьме и мире арестантов, то историографический обзор выстроим в фокусе только этой проблематики.

Семантика тюремных застенков в произведениях Ф.М. Достоевского рассматривается в работах В.О. Зверева. Ученый историк акцентирует специфику тюремной субкультуры в процессе ее зарождения, эволюции и трансформации в среде арестантов по произведениям Ф.М. Достоевского. Авторский интерес к «Запискам из Мертвого дома» обусловлен задачей показать, как в русской литературе описывались характеры каторжан, их социальная самоорганизация, особый сленг и жаргон (Зверев, 2022). Для этого сибирский ученый также обращает внимание на наследие С.В. Максимова, А.П. Чехова и В.М. Дорошевич.

А.М. Фумм посвятила свои работы онтологии острожных замков в прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Автор отмечает, что основоположником русской тюремной прозы по праву считается Ф.М. Достоевский. Его повесть «Записки из Мертвого дома» наделала в свое время очень много шума (Фумм, 2015).

В качестве особого блока историографии можно выделить исследования, которые связывают труды видных русских литераторов с Сибирью, областничеством, творчеством и деятельностью Н.М. Ядринцева. Так, первой в отечественной науке изучила вопрос влияния работ известного сибиряка на художественный метод Л.Н. Толстого при написании романа «Воскресенье» А.Г. Кандеева. В работе «Л.Н. Толстой читает Н.М. Ядринцева» автор высказывает мысль о глубоком воздействии содержания книги областника «Русская община в тюрьме и ссылке» на мировоззренческие ориентиры выдающегося русского писателя и философа. Материал, собранный Н.М. Ядринцевым, служил фактологической базой при создании так называемого последнего романа Л.Н. Толстого (Кандеева, 1990).

Е.Г. Новикова оригинально показывает, как идеологи сибирского областничества воспринимали Ф.М. Достоевского, позиционируя его как представителя движения петрашевцев. Современный исследователь убедительно доказывает, что «Записки из Мертвого дома» крепко повлияли на публицистику раннего сибирского областничества. Общность судеб, скрепленная стенами омского острога, формировала Н.М. Ядринцева как истинного собрата Ф.М. Достоевского по духу и мировосприятию. Автор высказывает мысль о том, что условия содержания узника Ф.М. Достоевского и лидеров областнического течения были несопоставимо различными. Имея больше свободы для перемещения по казематам омского тюремного учреждения, Н.М. Ядринцев много общался с сидельцами. Данный фактический материал вошел в его первую крупную книгу (Новикова, 2020).

Таким образом, обращение к историографии вопроса свидетельствует о накопленном багаже новых интерпретационных оценок, доводов и сведений о воззрениях русских писателей второй половины XIX в. о тюремном вопросе в царской России. Вместе с тем до сих пор нет исследования, в котором органично в ракурсе диалектического единства рассматривались бы идеалы содержания уголовно-исполнительной политики Российской Империи в литературе и публицистике Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского. В настоящем материале как раз и преследуются данные исследовательские цели.

4. Результаты

4.1. Н.М. Ядринцев о насущных проблемах уголовно-исполнительной политики Российской Империи

Литературно-публицистическое наследие Н.М. Ядринцева, основоположника движения сибирских демократических регионалистов (областников), изобилует глубоким анализом политики царизма в сфере исполнения наказания. Уголовно-исполнительная политика Российской Империи оценивалась сибирским просветителем исключительно с критических позиций. Отчетливо осознавая, что любое общество, к сожалению, не может существовать без девиаций, публицист рассматривал преступления и противоправные злодеяния как трагическую часть онтологии любого социума.

Публицистика Н.М. Ядринцева повествует о ссылке как форме наказания. Он пишет о судьбах ссыльнопоселенцев, об их колонизационном значении, поднимает вопросы тюремноведения. Такой неподдельный интерес и сформировавшаяся авторская гуманистическая позиция в пенитенциаристике может быть объяснима двумя обстоятельствами.

Во-первых, одной из центральных проблем развития сибирского региона выступала многочисленная штрафная колонизация. Тема ссылки, каторги и бродяжничества имела витальный смысл для родной и горячо любимой Н.М. Ядринцевым «Восточной окраины». Таким образом, понимая вопрос о ссылке самым насущным для Сибири, просветитель считал, что скорейшая отмена этого наказания по уголовному закону Российской Империи приведет к росту благосостояния отчего

края. Потому множество произведений и писательских творений известного сибиряка были посвящены самому детальному и скрупулезному разбору ссылки и ее последствий.

Во-вторых, биография сибирского просветителя включала в себя печальный фрагмент непосредственного знакомства с миром стен пенитенциарных учреждений Российской Империи. Николай Михайлович сполна отведал тюремных щей и до дыр сносил арестантский халат. Три года, с 1865 по 1868 г., молодой подвижник Сибири провел в камерах Омского острога. Причем такого самого места, о котором так подробно писал выдающийся русский писатель Ф.М. Достоевский еще в 1860-м г. на полосах известной газеты «Русский мир». Федор Михайлович также отдал несколько лет своей жизни казематам омской тюрьмы. В «Записках из мертвого дома» дается подробное описание тех условий, в которых проводят тягостные дни арестанты всех мастей.

Отметим, что Н.М. Ядринцев привлекался к уголовной ответственности по так и не доказанному делу о «сибирских сепаратистах». Впоследствии Николая Михайловича полностью оправдают и восстановят во всех правах. Делая скромный экскурс в историю вопроса, отметим, что все следственные мероприятия, к которым привлекался Н.М. Ядринцев, официально закончились 27 ноября 1865 года. С этого времени и начался период жизни писателя в качестве узника и арестанта.

Как доподлинно известно, итогом работы омской следственной комиссии стало откровенное признание Г.Н. Потанина, который взял на себя ношу главного преступника-дизинтегратора. Стоит полагать, что в идеологическом смысле для областничества как системы взглядов акт признания не имел столь важного значения. Юные мечты о свободной Сибири только приобретали свое теоретическое обоснование. Как известно, признать – не значит отказаться. Очень любопытно, что практически сразу после того как основоположник сибирского регионализма взял основной удар на себя, ум его не остыл от протестных настроений. Как следует из воспоминаний, Г.Н. Потанин получил в награду за свое откровенное признание первую книгу. Это было Евангелие. Повторялась история Ф.М. Достоевского, которому на пути в острог Омска жены декабристов подарили Библию – единственную книгу, сопровождавшую его долгое время.

В многочисленных донесениях, отчетах и иных материалах следствия мы не находим, чтобы кто-то из арестантов также откровенничал с политической полицией. Так, согласно отчетным материалам органов дознания, «Ядринцев первоначально сознался только в том, что получил воззвание в Петербурге по почте, и от неизвестного... В нем проявлялось желание сознаться и раскаться, но вместе с тем его как будто удерживала боязнь скомпрометировать себе перед другими сообщниками и нежелание выдать их» (Потанин, 2002: 47).

Шесть непросроченных месяцев продолжала свою работу учрежденная в Омске следственная комиссия. По окончании следствия Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и др. перевели из тюремного замка в крепость. Николаю Михайловичу и всей группе мечтателей-сепаратистов пришлось почти три года ожидать приговора. «Через 3 года тяжелого заключения, – вспоминал Н.М. Ядринцев, – вышла конфирмация. Потанину объявили приговор на эшафот и заковали в кандалы» (Ядринцев, 1904: 158).

По официальным источникам известно, что окончательный приговор был вынесен только в июне 1868 года. Николай Михайлович о решении судебного органа вспоминал так: «Суд был к нам строг: меня, Потанина и Шашкова приговорили к 12 годам каторги, но после наказание смягчили, в виду молодости и долгого ожидания под следствием» (Ядринцев, 1904: 158).

Полагаем, что Н.М. Ядринцев, пребывая в застенках омского острога, крепко задумался о бытии заключенных, условиях их содержания, о природе тюремных сообществ, способах исправления преступников и о гуманизации пенитенциарной политики царизма. Оказалось, что личные переживания и непосредственное включение в пространство учреждений уголовно-исполнительной системы хорошо подтверждали доводы, догадки и теории о решении «самого насущного вопроса Сибири» – избавления ее от клейма исключительного места каторги, тюрьмы и ссылки.

Таким образом, с одной стороны, истинные патриотичные чувства к своей малой родине, а с другой, опыт непосредственной жизни среди осужденных выступили первопричинами глубокого исследования Н.М. Ядринцевым проблем политики в сфере исполнения наказания.

Самые первые публикации просветителя в области государственной уголовно-исполнительной политики вышли в свет в 1868–1869 гг. Хронологически можно установить, что уголовная тематика стартовала и развернулась на столбцах серьезного издания – журнала «Дело».

Итак, в девятом номере учено-литературного журнала за 1868 г. будет опубликована статья лидера движения сибирских областников, посвященная проблемам бродячего населения в Сибири. Рассматривая феномен бродячего элемента, Н.М. Ядринцев акцентирует внимание на том, что русский народ издавна имел склонность к бродячеству. Слабая заселенность и обширность территорий привлекала отдельные социальные группы к незанятым местам. По мысли просветителя, государственный строй древней Руси этому только сопутствовал. Дело усугублялось многообразием притеснений различного рода. Все это происходило на фоне споров независимых княжеств с Москвой. Как следствие, эти обстоятельства вызывали обширные миграционные потоки на окраине большой Империи. Побег, как замечал Н.М. Ядринцев, составляли чуть ли не единственное средство избавиться от дурной обстановки и тягостной жизни в таком обществе. Как в древней, так и в новой

Руси бегство и бродяжество были единственным протестом личности против стеснявших его обстоятельств. Тяжело было русскому человеку от крепостного права, на него давил воевода, его брали в войско, начинали записывать в податной подушный оклад, запрещали исповедовать старую веру и накладывали тяжелую подать (Ядринцев, 1868: 233). Все это, по мнению известного сибиряка, выступало драйвером брожения по пространству необъятного русского царства.

Тема ссылки как вида уголовного наказания прозвучала с опорой на статистические данные в другом петербургском издании – газете «Неделя». 14 августа 1877 г. столбцы центральной газеты снова пестрили полемикой о ссыльной системе. Н.М. Ядринцев, будучи последовательным гуманистом и демократом, в тоне мировоззрения народнического толка акцентировал внимание на положении детей в сложившейся системе ссылки. Данные, которые приводил просветитель, были безрадостными. По его сведениям, смертность детей в пересыльной тюрьме оказалась огромной. Она составляла 58 % от всей смертности. С 1867 по 1871 гг. в Сибирь за родителями пришло 12 627 детей. За каторжными следует 22 % детей, за ссыльнопоселенцами – 18 % (Ядринцев, 1877: 1104). Такая панорама трагической картины штрафной ссыльной системы, по мысли писателя-сибиряка, выступала еще одним аргументом в деле отмены это вредоносного уголовного наказания.

Судьбы детей интересовали Н.М. Ядринцева не только в контексте воздействия на них пагубных последствий неразборчивой штрафной колонизации. Мыслитель обратился к вопросу положения детей-преступников в тюремных замках Российской Империи. «Что касается тюремного заключения, – отмечал просветитель, – применение тех же условий к детям, что ко взрослым только лишь приведет на путь порока и сделает окончательное огрубление и извращение малолетних арестантов» (Ядринцев, 1874: 76). Н.М. Ядринцев заключал, что взгляды криминалистов и сложившаяся уголовно-исполнительная практика на режим тюремного содержания малолетних заключенных должна быть немедленно гуманизирована. Апеллируя историко-правовой методологией, просветитель оценивал генезис такой последовательной исправительной практики и констатировал, что она не до конца удалась. Первые попытки создания колоний для малолетних в виде отдельных пенитенциариев, отличающихся от учреждений тюремной системы для взрослых, состоялись в Париже в 1836 г.

В отечественном действующем законодательстве такой подход применили только почти спустя 30 лет. «В Судебных Уставах 20 ноября 1864 г. – обнаруживал Н.М. Ядринцев, – впервые была выражена мысль о необходимости исправительных приютов для детей-преступников. Для приведения в исполнение изложенного в приведенной статье устава, для желанного законодателя составлены были особые правила для детских исправительных приютов, удостоившихся Высочайшего утверждения 5 декабря 1866 г.» (Ядринцев, 1874: 78).

Отделение несовершеннолетних арестантов от взрослых сидельцев и учреждение для данной категории подневольных специального режима содержания просветитель считал лишь робким и несмелым шагом.

Последующим этапом в деле перевоспитания малолетних осужденных публицист предлагал скорейшее введение воспитательного надзора в целях нравственного воздействия на детей преступников. Снова на полосах центральной периодики, в столичной газете «Голос», в 1875 г. писатель-сибиряк крепко взялся за анализ «Тюремного Устава» и «Положения об отделении малолетних арестантов при петербургском тюремном замке». Герменевтическая аналитика буквы данных нормативных актов и гносеологические рассуждения отчетливо позволили установить, что роль воспитателя ставится в полную зависимость от тюремного смотрителя. Н.М. Ядринцев обнаруживал, что воспитатель состоит только на правах помощника надзирателя тюремного замка.

Итогом глубокого погружения в эту сторону тюремного быта несовершеннолетних преступников становится целый ряд чрезвычайно убедительных выводов. Просветитель отмечал: «1) Воспитательный надзор слишком ограничен в своих правах: тюремная администрация требует от него отчета за каждый шаг; 2) Значение воспитательного надзора вполне игнорируется тюремной администрацией, которая допускает вмешательство в жизнь отделения даже низших чинов тюремной полиции: городских, фельдфебеля и тому подобных; 3) К постановлениям исправительного совета относительно отделения малолетних тюремная администрация относится весьма недружелюбно и тормозит их в значительной мере» (Ядринцев, 1875: 1).

Общественно-политической мысли Н.М. Ядринцева было свойственно диалектическое начало. Потому взаимодействие воспитателей и тюремных служащих он рассматривал в диалектической симфонии единства в деле исправления преступного элемента среди малолетних. По выводам известного сибиряка, отношения воспитательного надзора и тюремной администрации оставались двусмысленными и неопределенными. Отсутствие синергии и слаженности в их профессиональной деятельности нередко приводило к отмене различных распоряжений участников воспитательного воздействия со стороны осторожных смотрителей. В то же время воспитательный надзор часто упрекали в том, что он не сообщал администрации тюремного учреждения о каждом, даже самом незначительном проявлении беспорядков среди малолетних осужденных.

Организация профессиональной деятельности корпуса служащих в тюремных учреждениях впоследствии детально рассматривалась просветителем в рамках объемной книги «Русская община в тюрьме и ссылке» 1872 г. Также в критических тонах рисовал облик надзирателя сибирский публицист.

Оценивая профессию надзирателя в дореволюционной России, Н.М. Ядринцев констатировал тотальную безграмотность и умственную недалекость этой категории государственных служащих. Вот что находим в первой крупной книге известного сибиряка: «Полицейских чиновников назначали в смотрители, имея в виду их знакомство с преступниками, военных за их распорядительность и энергию; но компетентность полицейских чиновников далеко не оправдывалась, также как энергия и распорядительность смотрителей из военных не приводила к цели. Это был народ почти без всякого образования...» (Ядринцев, 1872: 164). Конечно, должности надзирателей нельзя было назвать желанными и востребованными. Потому контингент данной профессиональной группы составляли бывшие полицейские и военные. Цель перевоспитать преступника, как взрослого, так и малолетнего, таким корпусом некомпетентных сотрудников пенитенциариев практически оказывалась недостижимой. Как замечал Н.М. Ядринцев, унтер-офицеры назначались в большие губернские остроги с причудливым, артистичным и продвинутым арестантством, уровень развития которого значительно превышал способности унтер-офицеров. Потому надзиратели играли жалкую роль в регуляции острожной жизни, а заключенные наддували их почти на каждом шагу (Ядринцев, 1872: 169).

4.2. Мир тюремных застенков в литературно-публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского

Отечественная пенитенциарная наука традиционно опирается на глубокие теоретические исследования тюремного вопроса, представленного трудами дореволюционных ученых-юристов уголовно-правового направления И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева, А.Ф. Кистяковского и ряда других. Однако не менее полезным для расширения гносеологического горизонта учения о наказании представляется обращение к публицистической и художественной литературе, созданной выдающимися русскими писателями и общественными деятелями XIX – начала XX вв. Некоторые из них воочию были знакомы с реальностью карательной политики России, имели возможность увидеть быт исправительных учреждений изнутри. Речь идет, в частности, о работах Ф.М. Достоевского, проявившего в них не только талант внимательного и квалифицированного бытописателя, но и способности к тонкому психологическому анализу и глубокому философскому рефлексированию.

Обстоятельное наследие Ф.М. Достоевского, доступное на сегодняшний день, не позволяет в полной мере отразить все стороны тюремного быта, однако концентрация на некоторых существенных моментах дает возможность охватить и осмыслить ключевые идеи писателя, затрагивающие, в частности, вопросы пенологии и пенитенциаристики. Разумеется, Ф.М. Достоевский выступал не в роли скрупулезного ученого и дотошного исследователя. Он рисовал живые образы и высказывал соображения, представляющие ценность для лучшего понимания сущности наказания, связанного с изоляцией от общества, его карательного и исправительного воздействия.

Характерной чертой Ф.М. Достоевского выступает своеобразная незаикленность на свойствах и средствах наказания. Хотелось бы также отметить и реализм писателя. Он достаточно далек от идеализации каких-либо исправительных мероприятий, равно как и от нигилистического отношения к карательно-исправительной системе в целом. Думается, что этот реализм выступил результатом его собственного знакомства с этой системой. В рамках настоящего исследования обратимся к трем значимым и затрагивающим пенитенциарные вопросы работам Ф.М. Достоевского, а именно к публицистическим заметкам, объединенным в «Дневник писателя», а также к автобиографическому роману «Записки из мертвого дома» и к заключительной части романа «Преступление и наказание».

Интерес представляет описанный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» за 1876 год эпизод посещения им колонии малолетних преступников: «Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества» (Достоевский, 2010: 236). В частности, он рассматривал то, что сейчас принято называть средствами исправления, которые применяются в отношении малолетних преступников. Все впечатления о воспитанниках названного заведения могут быть выражены одной фразой писателя: «Да, эти детские души видели мрачные картины и привыкли к сильным впечатлениям, которые и останутся при них, конечно, навеки и будут сниться им всю жизнь в страшных снах. Итак, с этими ужасными впечатлениями надобно войти в борьбу исправителям и воспитателям этих детей, искоренить эти впечатления и насадить новые; задача большая» (Достоевский, 2010: 239).

Вполне закономерен отсюда и вопрос, который Ф.М. Достоевский задавал директору колонии относительно применяемых средств исправления, на что следует ответ: «Труд, совершенно иной образ жизни и справедливость в обращении с ними; наконец, и надежда, что в три года, сами собою, временем, забудутся ими старые их пристрастия и привычки» (Достоевский, 2010: 239). В ходе пребывания в колонии воспитанники овладевают ремесленной профессией и получают документ. Далее писатель расшифровывал сжато сформулированные директором средства воздействия. В качестве основного он описывал труд, результаты которого в виде разного рода поделок реализуются, а полученные средства идут в пользу воспитанников. Вторым средством Ф.М. Достоевский называл «самосуд», своего рода товарищеский суд над провинившимися. Наказание в данном случае – отлучение от игр (как бы «изгнание», временное приостановление статуса «своего» для остальных воспитанников). Крайнее же средство – помещение в своеобразный «изолятор», т.е. отлучение от всей колонии (Достоевский, 2010: 240).

Достаточно критично Ф.М. Достоевский высказывался и по поводу обращения воспитателей к воспитанникам: «...гуманное и до тонкости предупредительное обращение с мальчиками воспитателей... не совсем достигает в некоторых случаях до сердца этих мальчиков и уж конечно, и до их понятия», в частности, обращение «Вы» ко всем, даже к самым маленьким, по причине чего «может быть, мальчики, попав сюда, сочтут это лишь за господскую затею» (Достоевский, 2010: 243). Впрочем, в этой части писатель уже не на столько категоричен. Скорее, мы можем наблюдать проявление его почвеннических мировоззренческих установок.

Наконец, Ф.М. Достоевский характеризовал третье средство исправления, применявшееся в колонии – это чтение. «Чтение, если уж оно допущено, конечно, есть чрезвычайно развивающая вещь, но я знаю и то, что если б и все наши просветительные силы в России, со всеми педагогическими советами во главе, захотели установить или указать: что именно принять к чтению таким детям и при таких обстоятельствах, то, разумеется, разошлись бы, ничего не выдумав, ибо дело это очень трудное и решается окончательно не в заседании только. С другой стороны, в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу» (Достоевский, 2010: 244). Сейчас эти сомнения могут быть не вполне понятными, однако же если учесть, что на 1876 г. еще не было ни советского ликбеза, ни всеобщей системы обязательного начального образования, ни народной литературы, а литература была делом преимущественно дворянского и интеллигентского (разночинного) сословий, т.е. по сути, все той же господской забавой, то подобного рода почвеннические замечания вполне оправданны. Общее впечатление Ф.М. Достоевского от колонии было вполне позитивным. Он писал: «Впрочем, я простился с колонией с отрадным впечатлением в душе. Если что и не «налажено», но есть, однако же, факты самого серьезного достижения цели» (Достоевский, 2010: 246). Эпоха 1860–1870 годов – время больших ожиданий и новых надежд, время падения векового крепостного права, отсюда такие впечатления также вполне понятны.

Для пенитенциаристики важно подчеркнуть, что приведенные Ф.М. Достоевским средства исправления вполне приемлемы для воспитательных колоний, однако же надо учитывать и определенные моменты. С одной стороны, современное российское общество довольно долго жидилось на индивидуалистских началах, и индивидуализм по западноевропейскому образцу прочно вошел в нашу жизнь. Ф.М. Достоевский все-таки описывает коллективистское общество, но, с другой стороны, речь идет о работе с несовершеннолетними преступниками, можно предположить действенность такого рода средств, в том числе и в целях возрождения в будущих поколениях россиян коллективистских начал как преобладающих поведенческих установок.

Произведение «Записки из мертвого дома» дает достаточно обширный материал описательного характера. В нем описывается быт каторжных заключенных, а также представлен потрясающий набор психологических портретов этих заключенных. Среди них имеются как представители простого народа, так и привилегированные слои населения Российской империи.

В рамках настоящего исследования, однако, более всего интересны те идеи, которые писатель формулирует относительно самой пенитенциарной системы, ее устройства, достоинств и недостатков, которые также в указанном произведении можно найти: «Тут был свой особый мир, ни на что не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо мёртвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» (Достоевский, 1911: 12). Хочется подчеркнуть во многом современность такой первичной характеристики мест лишения свободы, которую мы встречаем в самом начале «Записок из мертвого дома» (далее «Записки...»).

На примере своего острога Ф.М. Достоевский показывал разряды заключенных, в соответствии с которыми они отбывали наказание. Речь идет о дореформенной системе разрядов, поскольку сам писатель находился в остроге с 1850–1854 гг. «Все это разделялось по степени преступлений, а следовательно, по числу лет, определённых за преступление. Надо полагать, что не было такого преступления, которое не имело бы здесь своего представителя» (Достоевский, 1911: 12).

Ф.М. Достоевский описывал три основных разряда заключенных острога. При всей краткости наброска чувствуется попытка уже дать краткую характеристику каждому разряду и между строк поставить вопрос о возможностях исправительного воздействия на каторжных острожной жизни. И всего меньше такому воздействию способствует нераздельное нахождение таких разных людей в одном месте в течение длительного периода жизни. Острог в Царской России, по сути, составлял параллельное общество, даже параллельную реальность, представляя собой обратное зеркало свободного общества.

На вопрос о том, почему же наказание в виде помещения в острог обладает не столько исправительным, сколько карательным свойством, Ф.М. Достоевский формулировал ответ в следующей главе, описывая, что именно придает этому наказанию необходимый уровень мучительности и болезненности. Первым очевидным элементом выступает само лишение свободы, т.е. изоляция от общества. В качестве второго писатель характеризует вынужденную работу.

Тем самым Ф.М. Достоевский сформулировал важную для пенитенциаристики мысль: чтобы работа в заключении имела характер не только кары (причем кары невыносимой), но и оказывала в какой-то мере исправительное воздействие, она должна быть осмысленной, полезной. Полностью же бессмысленная работа сродни смертной казни посредством медленной смерти.

Другой элемент так описан Ф.М. Достоевским: «...кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть ещё одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и в других местах; но в острогах приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживать с ними, и я уверен, что всякий каторжный чувствовал эту муку, хотя, конечно, большею частью бессознательно» (Достоевский, 1911: 35).

Здесь также поднималась проблема коллективного исправительного воздействия: возможно, в условиях свободы, где человек сам выбирает, к какому коллективу ему присоединиться, либо изначально воспитывается в таком коллективе (община, мир), такое воздействие и существует, но в условиях не просто вынужденного совместного проживания, а вынужденного совместного проживания преступников, скорее можно было усвоить обычаи и нравы преступного мира, окончательно обзлиться на общество, чем исправиться, восстановиться в виде полноценного члена общества.

Наконец нельзя не упомянуть и о еще одной поднимаемой Ф.М. Достоевским пенитенциарной проблеме. Это проблема справедливости, то есть соразмерности воздействия, оказываемого наказанием, тому совокупному вреду, который причиняется преступлением. Писатель ведет речь не столько о соразмерности наказания и преступления, сколько о соразмерности режима отбывания наказания и тяжести совершенного преступления. Какой бы ни была детально регламентированной система наказаний по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, необходимого уровня индивидуализации наказания, особенно в части его исполнения, она не обеспечивала. Такую мысль и обрисовывал в художественных красках Ф.М. Достоевский.

В приведенном же фрагменте косвенно писателем обозначена еще одна идея, имеющая отношение и к пенитенциаристике, и к исправительному воздействию. Эта идея позволяет нам перейти в анализе взглядов Ф.М. Достоевского к роману «Преступление и наказание», в эпилоге которого писатель ее формулирует в более подробном виде. Речь идет о том, что какими бы ни были качественными исправительные средства – труд, коллективная, общинная жизнь, справедливое отношение, – исправление как таковое является индивидуальным делом осужденного и может произойти только после определенных изменений в его душе, в его нравственных устоях. И в романе «Преступление и наказание» одним из условий нравственного перерождения Ф.М. Достоевский называет любовь.

Прежде всего писатель указывал, что ни в ходе расследования, ни в ходе суда, ни даже в начальный период отбывания наказания Раскольников не испытывал раскаяния в содеянном, не считал, что вообще совершил что-то дурное, а укорял себя лишь за то, что не выдержал своего преступления и явился с повинной. Но при этом в душе его идет интенсивная работа, размышления и о себе, и об окружающих его арестантах. И дело это исключительно внутреннее, хотя в нем и осуществляется преломление всего, что происходит вокруг него.

Необходимым считаем привести позицию П.В. Тепляшина, который выделяет славянский тип пенитенциарной системы и наделяет эту систему следующими чертами: «Для славянского типа европейских пенитенциарных систем характерны поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями соответствующим министерствам юстиции, достаточно высокий коэффициент заключенных, как правило, минимальное количество иностранных осужденных, отрядная модель отбывания лишения свободы» (Тепляшин, 2018: 204-205).

Таким образом, на постсоветском пространстве (а ранее – на пространстве Российской империи) исторически сложился особый тип системы исполнения наказания в виде лишения свободы. Его основные черты, включающие достоинства и недостатки, выделяемые еще Ф.М. Достоевским, сформировались в XIX веке и получили определенное развитие в веке XX. Они сохраняются и до сегодняшнего дня. Многочисленные реформы, предпринимаемые на рубеже XX–XXI вв., сталкиваются не только с недостаточным финансированием как основным препятствием, но и с более глубинными чертами, которые стоит рассматривать не только в смысле их преодоления, но и в смысле их учета для более грамотного построения концепции реформирования уголовно-исполнительной системы.

5. Заключение

Итак, подведем итоги исследования. В целом уровень рефлексии сибирского просветителя Н.М. Ядринцева о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики носил практико-ориентированный характер. Метафизика и онтология тюремной жизни оригинально наполнялась фактами и убедительными аргументами. Умозрительные заключения об истинных проблемах пенитенциарной политики сочетались с впечатлениями личного опыта острожной жизни и подкреплялись фактами и статистикой, а также органично сочетались с анализом официальных нормативно-правовых актов.

Такие обстоятельства привлекали внимание крупных чиновников и ученых юристов. Так, на разработки Н.М. Ядринцева ссылался начальник Главного тюремного управления с 1896 г.

А.П. Саломон. Ранее сибирский интеллеktуал трудился секретарем при комиссии по тюремным преобразованиям, за действия которой отвечал В.А. Соллогуб.

Н.М. Ядринцев был лично знаком и состоял в переписке с профессором уголовного права И.Я. Фойницким. Накопленные писателем-сибиряком сведения в области тюремоведения использовались ученым-пенитенциаристом, а также начальником Главного тюремного управления с 1879 по 1896 г. М.Н. Галкиным-Враским.

Ознакомление широкой общественности с проблематикой ссылки, каторги и тюрьмы оказалось весьма успешным делом. В среде образованных интеллигентов книга Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» также вызывала неподдельный интерес. Известно, например, что выдающийся русский литератор Л.Н. Толстой использовал тюремоведческое произведение сибирского публициста как фактический материал, работая над романом «Воскресенье».

Таким образом, в идейно-публицистическом наследии лидера областнического движения особое место занимала пенитенциарная и уголовная проблематика. Суждения, оценки и разумная критика уголовно-исполнительной политики царизма получили оформление в синтезе умозрительных и практических предложений и выводов просветителя.

Анализ фрагментов трех произведений Ф.М. Достоевского («Дневника писателя», «Записок из мертвого дома» и «Преступления и наказания») позволяет отметить несколько существенных моментов, отражающих позицию писателя в области пенитенциарной (уголовно-исполнительной) политики Российской империи второй половины XIX в.

Во-первых, в качестве средств исправления он называл труд, коллективное взаимодействие и даже своего рода коллективную организацию (прообраз отряда в современной системе исполнения наказаний), а также действие присущих этой организации правил общежития и чтение, а в широком смысле – образование и обучение.

Во-вторых, в то же время Ф.М. Достоевский подчеркивал условность и относительность этих средств исправления, показывая, что каторжный труд, доведенный до абсурда, имеет не исправительное, а уничтожающее воздействие: вынужденное совместное проживание угнетает, создает карательный эффект и нисколько не исправляет, а чтение в острожной жизни ограничено.

И в-третьих, главным выводом писателя относительно возможностей исправительного воздействия пенитенциарной системы является идея о том, что исправление представляет собой длительный и напряженный внутренний процесс, непрестанную работу осужденного над собой, который вряд ли способен запуститься сам, без какого-либо внешнего возрождающего воздействия. В качестве средства такого возрождения и воскрешения Ф.М. Достоевский называет любовь, способную пробудить даже в совершенно духовно погибшем человеке лучшие чувства и запустить в нем процесс внутренней душевной работы, направленной на его возрождение. Естественно, что любая пенитенциарная система не способна оказать такое воздействие, а может лишь создать для этого необходимые условия и не мешать такому воздействию. Требуется прежде всего сознательная работа над собой, а государство в лице учреждений уголовно-исполнительной системы может лишь обеспечить условия для запуска и работы внутреннего механизма духовного развития человека.

Литература

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: Коллективная монография / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120.

Достоевский, 2010 – Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 436 с.

Достоевский, 1911 – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. С многочисленными приложениями. Том шестой: Записки из Мертвого Дома. Петербург: Типо-литография Товарищества «Просвещение», Забалканский проспект, 1911. 612 с.

Должиков, Головинов, 2023 – Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // *Вестник Томского государственного университета. История*, 83. 2023. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1

Зверев, 2022 – Зверев В.О. История тюремной субкультуры в произведениях русских авторов // *Общество и право*. 2022. №1 (79). С. 17-20.

Зиновьев, Филонов, 2022 – Зиновьев В.П., Филонов И.Д. "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885 - 1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. 484. С. 121-126.

Иванов, 2009 – Иванов А. А. Лидеры областнического движения о роли уголовной ссылки в освоении Сибири // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. №4-3(64). С. 96-99.

Кандеева, 1990 – Кандеева А.Г. Л.Н. Толстой читает Н.М. Ядринцева // *Прииртышье мое: Краеведческий сборник*. Омск. 1990. Вып. 2. С. 216-230.

- Новикова, 2020** – Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. статья вторая // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. №67. С. 22-26.
- Потанин, 2002** – Потанин Г.Н. Воспоминания (отрывки) / Дело об отделении Сибири от России / Сост. Н.В. Серебренников. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 41-48.
- Тепляшин, 2018** – Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 412 с.
- Фумм, 2015** – Фумм А.М. Тюрьма в русской литературе второй половины XIX в. // *Вестник Самарского юридического института*. 2015. №2 (16).
- Шиловский, 2021** – Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // *Ядринцевские чтения*. 2021. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22-26.
- Ядринцев, 1904** – Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // *Русская мысль*. 1904. Кн. 6. С. 152-160.
- Ядринцев, 1868** – Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // *Дело*. 1868. № 9, отд. 1. С. 223-240.
- Ядринцев, 1877** – Ядринцев Н.М. Невинные жертвы // *Неделя*. 1877 № 33. с. 1104-1105.
- Ядринцев, 1874** – Ядринцев Н.М. Колонии для малолетних преступников // *Дело*. 1874. № 7–8. С. 75-96.
- Ядринцев, 1875** – Ядринцев Н.М. Малолетние преступники и тюрьма // *Голос*. 1875. №194. С. 1.
- Ядринцев, 1872** – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872. 708 с.

References

- Dameshek, 2019** – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazhenie sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoe obshchestvo i «sibirskie voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and “Siberian issues”]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX – nachala KhKh vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]
- Dostoevskii, 2010** – Dostoevskii, F.M. (2010). Dnevnik pisatelya [Writer's diary]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 436 p. [in Russian]
- Dostoevskii, 1911** – Dostoevskii, F.M. (1911). Polnoe sobranie sochinenii. S mnogochislennymi prilozheniyami. Tom shestoi: Zapiski iz Mertvago Doma [Full composition of writings. With numerous applications. Volume six: Notes from the House of the Dead]. Peterburg: Tipo-litografiya Tovarishchestva «Prosveshchenie», Zabalkanskii prospekt, 612 p. [in Russian]
- Dolzhikov, Golovinov, 2023** – Golovinov, A.V., Dolzhikov, V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoi penitentsiarnoi sistemy v politiko-pravovom ideinom nasledii sibirskikh oblastnikov oblastnikov [The problem of humanization of the national penitentiary system in the political and legal ideological heritage of Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 83: 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1 [in Russian]
- Zverev, 2022** – Zverev, V.O. (2022). Istoriya tyuremnoi subkul'tury v proizvedeniyakh russkikh avtorov [History of the prison subculture in the works of Russian authors]. *Obshchestvo i pravo*. 1(79): 17-20. [in Russian]
- Zinov'ev, Filonov, 2022** – Zinov'ev, V.P. Filonov, I.D. (2022). "Sibirskii vestnik" i sibirskoe oblastничество: evolyutsiya otnoshenii v 1885 – 1905 gg. ["Sibirskii vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885 – 1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121-126. [in Russian]
- Ivanov, 2009** – Ivanov, A.A. (2009). Lidery oblastnicheskogo dvizheniya o roli ugolovnoi ssylki v osvoenii Sibiri [Leaders of the regional movement on the role of criminal exile in the development of Siberia]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3(64): 96-99. [in Russian]
- Kandeeva, 1990** – Kandeeva, A.G. (1990). L.N. Tolstoi chitaet N.M. Yadrintseva [L.N. Tolstoy reads N.M. Yadrintseva]. *Priirtysh'e moe: Kraevedcheskii sbornik*. Omsk. 2: 216-230. [in Russian]
- Novikova, 2020** – Novikova, E.G. (2020). F.M. Dostoevskii i sibirskoe oblastничество. stat'ya vtoraya [F.M. Dostoevsky and Siberian regionalism. article two]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. 67: 22-26. [in Russian]
- Potанин, 2002** – Potанин, G.N. (2002). Vospominaniya (otryvki) [Memoirs (excerpts)]. Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii. Sost. N.V. Serebrennikov. Tomsk. Izd-vo Tom. un-ta. Pp. 41-48. [in Russian]
- Tepliyashin, 2018** – Tepliyashin, P.V. (2018). Evropeiskie penitentsiarnye sistemy [European penal systems]: monografiya. M.: Yurlitinform, 412 p. [in Russian]
- Fumm, 2015** – Fumm, A.M. (2015). Tyur'ma v russkoi literature vtoroi poloviny XIX v. [Prison in Russian literature of the second half of the 19th century]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2(16). [in Russian]

Shilovskii, 2021 – *Shilovskii, M.V.* (2021). Publitsisticheskoe osmyslenie N. M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870–1880-e gg. [N.M. Yadrintsev's publicistic comprehension of the prospects for the development of Siberia in the 1870s - 1880s]. *Yadrintsevskie chteniya*. Vyp. 9. Omsk. OmGU. Pp. 22-26. [in Russian]

Yadrintsev, 1904 – *Yadrintsev, N.M.* (1904). K moei avtobiografii [To my autobiography]. *Rusckaya mys'*. Kn. 6. Pp. 152-160. [in Russian]

Yadrintsev, 1868 – *Yadrintsev, N.M.* (1868). Brodyachee naselenie Sibiri [The wandering population of Siberia]. *Delo*. 9, otd. 1. Pp. 223-240. [in Russian]

Yadrintsev, 1877 – *Yadrintsev, N.M.* (1877). Nevinnye zhertvy [Innocent victims]. *Nedelya*. 33: 1104-1105. [in Russian]

Yadrintsev, 1874 – *Yadrintsev, N.M.* (1874). Kolonii dlya maloletnikh prestupnikov [Colonies for juvenile offenders]. *Delo*. 7–8: 75-96. [in Russian]

Yadrintsev, 1875 – *Yadrintsev, N.M.* (1875). Maloletnie prestupniki i tyur'ma [Juvenile delinquents and prison]. *Golos*. 194: 1. [in Russian]

Yadrintsev, 1872 – *Yadrintsev, N.M.* (1872). Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke. Issledovaniya i nablyudeniya za zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin. Svravnenie razlichnykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsional'noi sistemy ispravleniya soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tyuremnoi obshchiny [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. SPb., 708 p. [in Russian]

Проблемы уголовно-исполнительной политики Российской империи в литературно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Егор Алексеевич Куликов ^a, Ирина Анатольевна Анисимова ^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая работа направлена на исследование проблематики уголовно-исполнительной (пенитенциарной) политики царизма в оценках дореволюционных писателей – сибирского областника Н.М. Ядринцева и великого русского романиста Ф.М. Достоевского. Таким образом, цель статьи – эксплицировать нарративы о сущности, содержании и проблемах реализации уголовно-исполнительной политики Российской Империи в литературно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского. Исследование проводится на основе междисциплинарной методологии, органично сочетающей инструментарий «новой интеллектуальной истории», герменевтический контент-анализ и парадигмы «новой социальной истории».

Данные исследовательские подходы направлены на экспликацию системы взглядов и концептов по определенной общественной проблеме с учетом контекста эпохи. Источниковой базой работы выступил корпус художественных и публицистических текстов Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, посвященных проблематике тюрьмы и каторги в истории Российской империи.

Авторами показано, что публицистика классика областнической мысли включает в себя большой компонент в сфере изучения ссылки как формы и вида наказания. Также отмечается, что Ф.М. Достоевский сформулировал важную для пенитенциаристики мысль: необходимо, чтобы работа в заключении имела характер не только кары, но и оказывала исправительное воздействие, она должна быть осмысленной и полезной.

В целом авторами установлено, что в качестве средств исправления Ф.М. Достоевский понимал труд, коллективное взаимодействие и коллективную организацию с учетом присущих этой организации правил общежития, а также чтение, образование и обучение. Уровень рефлексии Н.М. Ядринцева о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики носил практико-ориентированный характер.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, Ф.М. Достоевский, пенитенциаристика, уголовно-исполнительная политика, Российская Империя, осужденные, перевоспитание преступника, история тюрьмы, ссылка, каторга.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.А. Головинов), kulikoveg@yandex.ru (Е.А. Куликов), anisimoaia@bk.ru (И.А. Анисимова)